

АНТОН РАТНИКОВ

СМЕРТЬ ДЖУГАШВИЛИ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Почему Валерий Фокин выбрал именно тему зарождения деспотизма для своего очередного спектакля — сказать сложно. Вряд ли дело в том, что Сталин родился в год, который тоже заканчивается на «9» — есть в этом какая-то натяжка. Дата хоть и круглая, но не сказать, что слишком юбилейная. Кроме того, если посмотреть на дело отстраненно, тема сталинизма вообще сейчас не особенно актуальна для нашего общества. Если она где-то и существует, то во втором ряду. В конце концов, есть куда более противоречивые, спорные и требующие осмысления фигуры российской истории.

Но Сталин так Сталин.

Тем более что молодость Сталина — это как раз темная территория, особенно для юного зрителя. Если образ усатого мужчины в белом френче, в общем-то достаточно устоявшийся, то что люди молодого поколения знают о первых шагах Сталина как революционера? Если что-то и возникает в памяти (конечно, у тех, кто не получил историческое образование), то бомбы, кареты, конспиративные квартиры. Ну и еще, возможно, фотоколлаж, который сейчас гуляет по сети. На нем молодой Сталин сравнивается с успешным испанским футболистом Серхио Рамосом. И получается, что действительно — похож. Более того, Сталин на той фотографии — это прямо какой-то обыкновенный хипстер, завсегдатай баров на Рубинштейна.

Проследить путь, как из этого модника с красивыми черными глазами получился один из самых кровавых правителей России, действительно интересная и вместе с тем вряд ли выполнимая миссия. Что и показал спектакль Фокина.

Хотелось увидеть от спектакля какой-то свежий взгляд на эту личность. Неожиданную трактовку. Наконец, можно было сконцентрироваться на личности Сталина-поэта (в юности он писал стихи). Или Сталина-ловеласа, наконец.

Но у Фокина получилось в очередной раз пройти по верхам и пересказать все то, что и так уже было сказано и о Сталине, и о зарождении деспотизма вообще. Разве что подать всю эту информацию с особым пафосом.

НЕ СПРАВИЛСЯ С МЕССЕДЖЕМ

Спектакль концентрируется на годах молодости Джугашвили. Пять-шесть лет ужаты в пару часов. В первой же сцене с Джугашвили беседует его мать. Конечно, стенает и плачет. Говорит о том, что нужно ему делать карьеру по духовной линии, а не мутить

Антон Александрович Ратников родился в 1984 году в Ленинграде. В 2014 году окончил Высшую школу режиссеров и сценаристов. Входил в шорт-лист Волошинского конкурса, лонг-лист премий «Дебют», «Русский Гулливер». Публиковался в альманахе «Взмах», журналах «Нева», «Звезда», «Октябрь», «Аврора», «Кольцо А». Лауреат премии журнала «Нева» за 2014 год. Участник XIV Форума молодых писателей России, стран СНГ, зарубежья. Член Союза журналистов Санкт-Петербурга.

воду в ступе. Едва слышно звучит дудук. Сталин ест куриную ножку и с матерью, конечно, не соглашается. Уже в следующей сцене главный герой смахнет оцепенение и будет обличать Бога и бегать по сцене с иконой, которую он хочет сломать.

Затем со Сталиным не происходит ничего такого, что можно было бы назвать словом героям. Уже на двадцатой минуте он отправляет своих однопартийцев фактически на убой — осуществлять один из крупнейших терактов в истории царской России (с финансовой мотивацией), сам же остается за кулисами. В том, что такой человек способен переступить через любого и убить любого — сомнений нет. И позже Сталин это успешно демонстрирует. Поэтому — ну какая трансформация — все понятно и естественно. Даже библейские коннотации здесь не спасают.

Дальше спектакль удивляет если только своей предсказуемостью. Полтора часа тянутся как восемь (помнится, столько шел знаменитый спектакль «Бесы» в МДТ). Это болото разбавляют только замечательные дети-газетчики, которые два раза появляются перед занавесом для того, чтобы прокричать заголовки утренней прессы. Получается, смешно. И это одно из самых ярких ощущений от спектакля.

Ходят слухи, что при работе над пьесой Фокин перерыл огромное количество документальных материалов — и не только документальных. Чуткий зритель сможет увидеть здесь отсылки к «Бесам» Достоевского, «Батуму» Булгакова и даже «Ричарду III» Шекспира. Но сделать из этих выписок, этих аллюзий, намеков что-то драматургически цельное не вышло.

Кстати, возможно, это связано с тем, что Фокин, увлеченный грандиозностью своего замысла, своего, если хотите, месседжа, недостаточно тщательно проработал детали. Да и вообще драматургию.

В итоге пьесы, по сути, не получилось. У футбольных комментаторов есть такой термин «Игра развалилась на эпизоды» — то же самое можно сказать и о спектакле. Вот один эпизод, вот второй, третий. А единого действия нет. Жаль.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС

А вот чего действительно ждешь весь спектакль — так это Петра Семака в роли «старого Сталина». Его появление не должно быть сюрпризом — он заявлен в программе. Однако Сталин все не появляется. Начинаешь в какой-то момент искать его в зале — может, спрятался? Но там сидит заведующий отделом современного искусства Государственного Эрмитажа Дмитрий Озерков. Там сидит глава Газпрома Алексей Миллер. Ректор СПбГУП Александр Запесоцкий, наконец. Но Сталина среди них не видно.

Явление вождя народов происходит за десять минут до «финальных титров». Нельзя сказать, что диалог старого Сталина и молодого кого-то ввергает в шок или задает небывалые высоты драматического мастерства. Однако здесь сказывается профессионализм и талант Семака, который в отличие от своего молодого визави, казалось бы, одним поворотом шеи расставляет все на свои места. Не скатываясь в пародию, не выпячивая штампы и при этом не изобретая ничего нового, он одним своим голосом создает такую бурю энергии, что становится понятно — почему Фокин приберег этот козырь на самый финал.

Вообще финал, конечно, удался. И если и стоит смотреть этот спектакль, то только ради последних десяти минут.

Потому что когда тот самый старик Сталин слышит возгласы толпы и выходит на авансцену, мурашки действительно бегут по коже. За спиной вождя опускается железный занавес, а из оркестровой ямы начинает подниматься памятник Иосифу Виссари-

оновичу. В этот момент тоже хочется встать, засвистеть и заорать: «Сталин! Сталин!» Но памятник в итоге так и не доходит до положения, перпендикулярного полу, и наступает затемнение.

Эффектно? Безусловно. Но ведь не ради этого все затевалось?

НЕМНОГО КОМИКС

А еще концовка хороша тем, что там разрывается ткань реальности, и это хорошо ощущается в зрительном зале. Если сначала спектакль едет по хорошо проторенной колее советского театра с его яркими, подробными и пышными декорациями, с его уклоном в соцреализм, то ближе к концу Фокин выставляет декорации позади сцены, в хаотичном порядке. И между ними мечется артист Кошевой (он и играет молодого Сталина), стараясь отыскать нужную ему — и не находя. Это лучший момент спектакля. Или один из.

Вообще сценография — козырь спектакля. Каждая локация — это отдельный «островок на колесиках», который выкатывают работники сцены. Они сделаны по принципу обратной перспективы. Как иконы. Что учитывая прошлое Сталина и библейские аллюзии, которые постоянно звучат в спектакле, важно.

Кстати, именно сценография отчасти превращает спектакль в комикс. Поэтому тут еще напрашивается некое сравнение с запрещенным у нас фильмом «Смерть Сталина». Тоже снятым по комиксу — бельгийскому. Конечно, не факт, что сам Фокин имел его в виду и вообще смотрел, но не провести параллели нельзя. Так вот, я фильм смотрел. И его, конечно, нельзя назвать какой-то потрясающей художественной удачей. Но там и ставки были ниже. Изначально эта экранизация была этакой разудалой политической сатирой, гротеском, который к тому же предназначался для европейской аудитории, которая обо всех этих Маленковых, Хрущевых и Бериях знает вряд ли. Фильм получился странноватый, невыдержанный, словно застрявший между жанрами (кстати, трейлер — то есть рекламный ролик — в этом смысле куда показательнее, веселее и лучше). Но там были классные актерские работы — тот же Стив Бушеми выкладывался по полной. И там складывалось ощущение того, как мелкие пауки в небольшой банке отрывают друг другу голову — рядом с трупом большого паука. Спектакль Фокина никакого такого ощущения не вызывает.

РАЙ НА ЗЕМЛЕ

«Часто нельзя было предсказать, что он сделает в следующий момент. И люди даже не могли себе представить, как можно так развернуться. Слово „аморальный“ не годится сюда, оно мелко, это нечто уже другое. И главное — абсолютное уверование в то, что ему дано право быть наместником здесь, построить рай на земле», — говорит о Сталине сам Фокин.

Пожалуй, он его прочитал правильно. Но этого оказалось недостаточно для того, чтобы превратить понимание фигуры Сталина в сильное высказывание о нем. А может быть... дело в том, что такого рода высказывание сейчас и просто неуместно.

У Фокина получился пафосный салат из хорошо известных ингредиентов. Но зрителям в зале хотелось бы увидеть что-то новое. А они не увидели.

Как хорошо пошутил один из зрителей, покидая зал: «Это, скорее, не „Рождение Сталина“, а „Смерть Джугашвили“».